

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 32 (1813)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А.Запольскиса «Нам будет на пользу»: доходчиво о происходящем», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 10 марта 2020 года. Режим доступа: http://zavtra.ru/events/nam_budet_na_pol_zu_dohodchivo_o_proishodyashem

Вологда
март 2020

«Нам будет на пользу»: доходчиво о происходящем

9 марта новостная лента истошно верещала про «обвал мировых рынков», «обвал рубля», «фатальные последствия обрушения цен на нефть», «чёрный понедельник», даже «кровавый понедельник» (ну и про великого/ужасного Игоря Ивановича Сечина, разумеется).

На этом фоне необходимо: а) всецело сохранять душевное равновесие; б) принимать к сведению лишь здравые тексты здравых авторов. Одним из таковых, по нашему мнению, является системный аналитик, эксперт по вопросам международной безопасности Александр Запольскис.

Публикуем статью Запольскиса «Выход России из ОПЕК+: как Москва убивает нефtedоллар», размещённую на порталах ИА REGNUM и ИА REX.

Пятница, 6 марта 2020 года, войдёт в историю как день крушения мировой системы нефtedоллара, существовавшей с 1960 года. На заседании ОПЕК+ в Вене Россия отказалась от дальнейшего участия в программе сокращения добычи ради стабилизации цены на черное золото.

Таким образом, действующие соглашения автоматически прекратятся после истечения срока договоренностей 31 марта текущего года. С этого момента каждый производитель о себе будет заботиться сам.

Почему такое случилось и чем это обернется в ближайшем будущем, сегодня является одним из главных экономических, а также геополитических вопросов. Понимание ответа требует некоторого ретроспективного анализа причин возникновения союза ОПЕК с Россией три года назад.

Столкнувшись с проблемой неустранимости отрицательного сальдо внешнеторгового баланса, Соединенные Штаты запустили у себя так называемую сланцевую революцию. За счет быстрого наращивания добычи нефти в своих сланцевых месторождениях Америка рассчитывала превратиться из неттоимпортера в ведущего неттоэкспортера нефти в мире и на этом заработать. В чем, надо сказать, на первых порах определенно преуспела.

С почти нулевых значений в 2007 году, США подняли экспорт нефти до 2,3 млн баррелей в сутки в 2013 и достигли 3,5 млн баррелей в 2014 году, тем самым сразу захватив 4,3% мирового рынка. К середине 2018 года темп сланцевой добычи достиг 6,3 млн баррелей.

Да, большинство добывающих компаний ушли в убыток, но мировой рынок получил значительный прирост предложения и начал на него реагировать. Для справки, суточная добыча в Саудовской Аравии и России составляли примерно по 10 млн бочек в день.

В результате средняя цена за баррель марки Brent упала со 111,87 в июне 2014 до 48,42 долларов в январе 2015. Перед ведущими производителями встал вопрос — что делать дальше?

Положение выглядело просто. Рыночная стихия самостоятельно кризис преодолеть не могла. В сентябре 2015 бочка стоила уже 47,23 доллара, а в январе 2016 просела до 30,8. Американский сланцевый рынок сотрясали разорения добывающих компаний, но рынок продолжал болтаться в районе 42–49 долларов с тенденцией рухнуть еще глубже. Все как-то сразу вспомнили, что в июле 1986 нефть и вовсе торговалась на уровне 9,56 доллар/баррель, что теперь не могло устроить вообще никого из производителей.

Впрочем, негативный прогноз выглядел не столь мрачно, однако радости не вызывал. Расчет по балансу спроса и предложения прогнозировал стабилизацию рынка где-то в районе 42 долларов.

В частности, для России это грозило не только прекращением накоплений в Резервном фонде, но и означало прямые убытки бюджета, рассчитанного исходя из уровня отсечения в 40 долларов за баррель, если он просядет, скажем, до 39. Относительно получаемой ранее 1 млрд долларов суточной выручки общие потери российской нефтянки могли достичь 610 млн долларов в день. Саудовская Аравия свои потери оценивала примерно также.

Если же попробовать совместными усилиями ОПЕК (34% общего объема мировой добычи) и России (12,6%) на время дебет сократить, скажем, на 1 млн баррелей в сутки на всех, то казалось возможным удержать мировую цену хотя бы на 53–55 долларах.

В этом случае конкретно Россия теряла бы только 466,5 млн долларов в сутки, что на 143,5 млн долларов меньше худшего сценария. Кроме того, страна оставалась способна продолжать нормальное исполнение бюджета и даже сохраняла приток средств в резервы.

В результате, 30 ноября 2016 года в Вене Москва подписала соглашение с Картелем о совместных действиях по преодолению кризиса, получившее название ОПЕК+. Оно предусматривало общее снижение добычи на 1,8 млн баррелей в сутки, из которых на долю РФ приходилось 300 тыс. баррелей.

Поначалу решение возымело ожидаемый эффект. Если на день подписания баррель стоил 47,97, то в январе 2017 он поднялся до 55,98 долларов, Тем самым сократив российские потери еще почти на 10 млн долларов в день. Тактический союз с Картелем работал даже при условии отказа снижать добычу со стороны США. Так что в мае 2017 года, когда прошлое соглашение истекло, члены ОПЕК+ его продлили до марта 2018, а потом и до конца марта 2020 года.

На первый взгляд, все шло хорошо. Уже в ноябре 2017 цена преодолела отметку в 62 доллара, в январе 2018 она перешагнула 68,77, а в октябре 2018 добралась до уровня 80,64 доллара за баррель. Мы сократили потери в нефтяной выручке до 194 млн в сутки, что являлось несомненной победой по сравнению с 610 млн наихудшего сценария.

Но теперь в деталях дело уже выглядит не столь радужно. По мере роста цен сокращались и убытки американских сланцевиков, что вылилось в наращивании ими объемов добычи. В сентябре 2019 года она достигла 12,45 млн баррелей в сутки. Это не только давило на цены, снова начавшие дрейф вниз (63,15 на июнь 2019 года), но и стало формировать общий избыток предложения на рынке.

Позднее дисбаланс усилился еще больше. Например, в официальной статистике не отражаются 54,7 тыс. баррелей в сутки добываемой нефти в Сирии, месторождения которой находятся под контролем армии США. Никто не может точно назвать фактический объем экспорта находящегося под санкциями Ирана.

Считается, что добыча там упала до 2,28 млн бочек в день, но ряд источников считает, что с учетом серых операций она может достигать 2,6 млн баррелей. Разница превосходит объем сокращения российской добычи.

Дело осложняется еще и тем, что на 100 млрд долларов торгов физической нефтью в мире приходится около 5 трлн оборота так называемой бумажной. Это когда инвесторы вкладываются во фьючерсные контракты исключительно в спекуляционных целях, не предполагая ее на самом деле забирать.

Эти фьючерсы с добычей не связаны вообще никак. Они означают, что некий продавец обязуется к какому-то сроку ее где-нибудь найти и поставить покупателю по фиксированной цене. Причем, на фьючерсную торговлю еще существуют деривативы, что крайне сильно затрудняет учет реального рыночного баланса с достаточной точностью.

Например, по официальным данным совокупное потребление нефти за 2017 год выросло до 98,19 млн баррелей в день (всего на 1,7 млн больше итогов 2016), тогда как официально заявляемый суммарный объем ее мировой добычи составлял около 52 млн баррелей в сутки.

Теоретически арифметика говорит, что на рынке должен возникнуть дефицит предложения и цены обязаны взлететь за облака, но при этом они тихо падают, а запасы нефти в хранилищах только растут. Весной 2019 года часть танкерного флота вообще стояла на рейдах груженная нефтью в качестве временных хранилищ.

Эксперты это трактуют как прямое доказательство наличия избытка предложения на уровне в 2,3–2,8%. С тенденцией его роста к 6,5% в конце 2019.

А самое главное, все усилия ОПЕК+ по сокращению добычи США используют для наращивания своей рыночной доли, наплевав на ценовые последствия в перспективе. Им остро необходимо

исправлять отрицательность внешнеторгового баланса, прежде всего, сейчас. Правда, играть на объеме сейчас пытаются многие. Например, Бразилия, доля добычи которой составляет 3,1%.

В общем, цены снова потихоньку пошли вниз и предложение Саудовской Аравии сократить добычу в рамках ОПЕК+ еще больше (для России оно предполагало сокращение уже на 500 тыс. баррелей в сутки) эффективно стабилизировать рынок явно не могло.

Коронавирус COVID-19 показал, что мировая экономика не просто впала во временный кризис, после которого продолжит рост. Надвигающийся спад мировой экономики носит системный характер, он будет большим и надолго. Хорошо, если достигнуть дна получится за одной десятилетие.

Совладелец ЛУКОЙЛа в оценке размера потерь РФ от 100 до 150 млн долларов в день из-за выхода из соглашения ОПЕК+ совершенно прав математически, но ошибается системно. Потому что оценивать надо не относительно сегодняшнего дня, а отталкиваться от цифр худшего сценария, в основе которого лежит цена рынка на ближайшие 3–5 лет, что делает определяющей не саму котировку, а себестоимость добычи.

А вот тут получается следующее. Россия профицитность своего бюджета, следовательно, и возможность продолжения реализации планов экономического развития сохранить может и при нефти по 40 долл/барр. У саудитов в этом случае внутренние проблемы возникнут, но в целом они преодолимы. А вот американская сланцевая добыча этот уровень выдержать не сможет совершенно точно, особенно с учетом нависшего над ней кредитного «дамоклова меча».

Тем самым общее предложение сократится на американскую долю в 12,45 млн баррелей в сутки что больше, чем вся добыча РФ. Плюс неизбежно уменьшится предложение со стороны Канады, Венесуэлы и ряда других стран.

В целом на круг этот шаг в течение двух-трех месяцев способен убрать с рынка до 9–10% ее совокупного предложения, чем точно стабилизирует цены в районе достаточно комфортных для нас 42–44 долларов за бочку, если не выше.

Да, это приведет к сокращению экспортной выручки с нынешних 600–650 млн долларов в сутки до 430 млн, но позволит оградить цену от влияния США и даже даст возможность России нарастить объем добычи на 2–3% относительно нынешних значений.

Да, сейчас просядет рубль и масса экспертов вывалят на публику все свои измышлизмы по поводу «из этой страны надо валить». Но в стратегической перспективе данное решение означает выход России на совершенно новый уровень мирового влияния. теперь не только политического, но и экономического.

Тогда как Соединенные Штаты потеряют нефтегазовую отрасль, приносящую 1,3 трлн долларов в год и формирующую 7,6% американского ВВП. Ну, и наконец, распад ОПЕК, служившей основой мировой системы американского нефтедоллара — саудиты и их сделка ОПЕК+ — была лишь частью американской игры, нам также будет на пользу. Это будет новая ОПЕК+, как совершенно правильно пишет ТГ-канал «Русский демиург», с новыми, российскими правилами игры, а не американскими.